

Будучи схваченой за горло, Цзян Цяньэр среагировала рефлекторно. Инстинктивно контратакуя и используя ловкий приём, она одним движением перевернулась, поменявшись местами с Чжоу Синшанем, оседлала его и прижала его руки к постели:

— Давай поговорим! Я виновата, я не должна была тебя бить и ругать...

Чжоу Синшань на мгновение опешил от такого напора. Его налитые кровью глаза упрямо и злобно впились в неё: какие ещё фокусы она удумала? Неужели, видя, что он всё ещё жив, она придумала новый способ его извести?

— Если ты молчишь, значит, ты меня простил, — произвела Цзян Цяньэр, глядя ему прямо в глаза.

В мыслях же она уже многократно прокляла всех предков прежней хозяйки тела до восемнадцатого колена. Иметь мужа, дом и не жить нормальной жизнью, а думать лишь о том, как надеть мужу рога и сжить его со свету — это просто какое-то извращение человеческой природы и полнейший крах морали.

— Больше не смей хватать меня за горло, — заметив, что он по-прежнему молчит, снова заговорила Цзян Цяньэр. — И я тебя больше не бью, не ругаю, и не презираю за то, что ты калека, договорились?

Услышав это, Чжоу Синшань скривил губы в насмешке. Точно так же она заливалась, когда вымогала у него серебро. И вот теперь затянула старую песню — неужели она считает его дураком, который будет попадаться на одну и ту же удочку снова и снова?

Заметив усмешку в его глазах, Цзян Цяньэр поняла, что за столь короткий миг сближения Чжоу Синшань ей не поверит, но терпения ей было не занимать:

— Вот и договорились. Сейчас я отпущу руки, а ты больше не нападай на меня.

Она медленно разжала пальцы, прижимавшие его руки к постели. Чжоу Синшань не шелохнулся, лишь продолжал сверлить её тяжёлым, немигающим взглядом.

Затем она попыталась подняться и вдруг обнаружила, что сидит прямо у Чжоу Синшаня на бёдрах, а под её пятой точкой находится его...

Мама дорогая!

Она впервые в жизни так близко соприкоснулась с третьей ногой мужчины.

Цзян Цяньэр почувствовала, как её старое лицо залил румянец. Тело мгновенно оцепенело, и она, в полном замешательстве и суете соскочив с канá, бросилась на кухню — благо память прежней хозяйки ещё была свежа. Быстро вскипятив котел воды, она внесла таз обратно в комнату.

Чжоу Синшань лежал на канé. На нём не было живого места: всё тело покрывали запекшаяся кровь и грязь, а во взгляде сквозил леденящий душу холод.

Поставив таз с водой у подножия канá, Цзян Цяньэр понимала, что оставить всё то дерьмо, что натворила прежняя хозяйка, и заставить Чжоу Синшаня вмиг изменить к ней отношение не получится:

— Чжоу Синшань, давай я сначала помою тебе голову, а потом протру тело. Только не двигайся, ладно?

Горячая вода дымилась.

Чжоу Синшань подумал: раз она больше не бьёт его палками и не оскорбляет, то теперь решила сварить его заживо в кипятке.

Однако его голову бережно приподняли, и на волосы полилась вовсе не обжигающая вода.

Не кипяток.

Тёплая вода.

Самая настоящая тёплая вода, от которой поднимался лёгкий пар.

В его длинных волосах застряли соломинки, комья грязи и запекшаяся кровь. Всё это переплелось, сваялось в колтуны и походило на скомканный пучок соломы.

Цзян Цяньэр действовала очень осторожно. Сначала она смочила волосы водой, а поскольку шампуня не было, принялась пальцами аккуратно распутывать сбившиеся пряди.

Промыв голову тёплым отваром трижды, она полностью очистила волосы от грязи и вытерла их насухо чистой тряпичей, оставив лишь слегка влажными, после чего принялась за его лицо.

По мере того как она стирала грязь, перед ней проступало бледное, невероятно красивое лицо. Особенно выделялась ярко-красная родинка во внешнем уголке правого глаза, которая лишь подчёркивала его чистую, сияющую красоту.

Сердце Цзян Цяньэр забилося чаще. Она честно признавала себя законченной поверхностной мещанкой, а то, что муж оказался калекой и импотентом, казалось ей пустяками.

В их времена был случай: маршал отправился на войну, попал под взрыв, остался парализованным ниже пояса и лишился мужской силы, так что никто за него идти не хотел.

В конце концов за него вышла одна наивная девушка с ангельской внешностью. Прошло полтора года — и маршал не только начал бегать и прыгать, но стал способен на семь ночных подходов за ночь, каждый по часу! К тому же он оказался невероятно преданным: кроме своей жёнушки в упор никого не замечал.

Через три года жена родила ему двоих детей, и у них была полная чаша: и мальчик, и девочка. Свекровь души в ней не чаяла, свёкор был в восторге, муж обожал, денег — куры не клюют, особняки не счесть. В общем, чистая победа в жизненной лотерее.

А был ещё граф из соседней галактики: по легенде, жестокий, свирепый, кровожадный маньяк, который убивал людей ради забавы, делал из черепов украшения, пил вино из коленных чашечек и страсть как любил полакомиться человеческими ушами. В конце концов, его собственная невеста отказалась выходить за него замуж и устроила подмену, выдав замуж вместо себя другую. И вот эта подставная жена оказалась в его доме — все были уверены, что она вот-вот отбросит конки.

Однако подмена не только прекрасно выжила, но и становилась всё краше с каждым днем. Граф таскал её за собой повсюду, стоило появиться хоть чему-то хорошему — он в первую

очередь вспоминал о ней. Ему хотелось запрятать её в карман и осыпать заботой день и ночь!

Всё вышеперечисленное доказывало одно: даже если муж скалечен, импотент, мрачен, злобен и безжалостно кровожаден — бояться не нужно, и бросать его не стоит. Окружи его любовью и заботой — и в конце концов победителем останешься ты сама.

Цзян Цяньэр сладко размышляла об этом: прежняя хозяйка тела не захотела красавца, а вот она — хочет.

Раз уж она сюда попала, то наверняка уже никуда не денется. Завести роман, обрести семью — это всяко лучше, чем быть круглой сиротой в Галактике Копал.

Цзян Цяньэр еще тщательнее принялась вытирать шею Чжоу Синшаню, затем повернула его, обтерла спину, грудь и живот.

Она обнаружила, что у Чжоу Синшаня не только потрясающее лицо, но и великолепная фигура — все положенные кубики пресса и мышцы груди были на месте, ни одна не отсутствовала.

Сменив несколько тазов с розовой водой, Цзян Цяньэр уже собиралась переключиться на нижнюю часть тела Чжоу Синшаня, как он перехватил ее руку. Она испуганно вздрогнула и посмотрела на него.

На бледном, красивом лице Чжоу Синшаня проступили красные прожилки, уши тоже покраснели, и он свирепо уставился на Цзян Цяньэр: — Хватит, не притворяйся, у меня больше не осталось ни единой медной монетки.

Когда она мыла ему голову и вытирала тело — даже в первые дни после их свадьбы — она никогда так не делала. В лучшем случае могла вскипятить воду, набрать таз и поставить перед ним, держась от него как можно дальше.

А теперь ради денег, ради своего любовника, она готова мыть даже его нижнюю часть тела...

— Мне не нужны твои деньги. — Цзян Цяньэр покрутила запястьем и расплылась в донельзя глупой улыбке: — Это было с моей стороны неправильно — бить тебя и ругать. Я правда исправилась.

С тех пор как он стал калекой, все от него отвернулись: на семью положиться нельзя, на брак — тоже, нельзя довериться ни единому человеку.

За последние несколько месяцев он сполна испил всю горечь человеческого холода и равнодушия и больше не верил, что кто-то способен не брезговать им.

Воспользовавшись тем, что он замер, Цзян Цяньэр выдернула руку и успокоила его: — Не бойся, хуже уже некуда. Хуже, чем сейчас, просто не бывает. Да уж.

Хуже уже наверняка не будет, разве может быть еще хуже, чем сейчас?

Чжоу Синшань лежал на канэ, плотно сжав губы, и больше не произнес ни слова.

Видя его состояние, Цзян Цяньэр поняла, что смогла его убедить, и принялась обтирать его тело. Коснувшись его внушительных размеров, она покраснела, отвернулась и решительно потянула за край...

Лежавший на канэ Чжоу Синшань всем телом напрягся, его шея и уши залились краской, пальцы сжались в кулаки так, что на тыльной сторонах ладоней вздулись вены.

В действиях Цзян Цяньэр не было ни капли дерзости — лишь смущение да бурная, разыгравшаяся не на шутку фантазия со множеством непристойных мыслей.

В мгновение ока она вымыла его дочиста.

Старшая искать для Чжоу Синшаня одежду, она только теперь вспомнила, что прежняя хозяйка тела уже давно отдала два его лучших наряда своему любовнику — никчемному пройдохе.

Мысленно Цзян Цяньэр презрительно выругала прежнюю себя, а заодно и мачеху Чжоу Синшаня, ведь даже свирепый тигр не ест собственных детенышей, пусть Чжоу Синшань и не был ей родным сыном.

Однако еще в пятнадцать лет Чжоу Синшань отправился на заработки с торговым караваном, и все благосостояние семьи держалось на том, что он регулярно пересылал деньги домой. На них они отстроили большой кирпичный дом под черепичной крышей, прикупили земли и стали богачами в деревне.

Кто бы мог подумать, что стоило ему потерять дееспособность, как эта старуха отделалась от него, как от нищего, даже не пожелав найти лекаря.

Подобрать подходящей одежды не нашлось, поэтому Цзян Цяньэр натянула на Чжоу Синшаня лишь нижние штаны, укрыла одеялом и принялась наводить порядок в комнате.

Она только приоткрыла окно, намереваясь выветрить запах крови, стоявший в комнате, как вдруг посчастливилось услышать странные звуки.

— Гу-гу... Гу-гу...

Совсем не похоже на пение кукушки.

Цзян Цяньэр нахмурилась. Взяв таз с кровавой водой, оставшейся после обтирания Чжоу Синшаня, она еще не успела подойти к окну, как Чжоу Синшань неизвестно когда нашарил мачете, приподнялся на локтях и, направив клинок на Цзян Цяньэр, прорычал:

— Цзян Цяньэр, если ты хочешь уйти к Ван Даняню, я не стану препятствовать и напишу тебе разводное письмо. Но если ты посмеешь привести его сюда для своих непотребств, я тебя убью.